Хочу рассказать о том, как встретила моя мама, Нина Николаевна Калитина, первый день войны, какие события в её семье предшествовали началу блокады Ленинграда, как Калитины пережили первую блокадную зиму и оказались в эвакуации в посёлке Косулино Свердловской области. Мама родилась в 1926-м году и довоенное детство провела в пригороде Ленинграда Павловске (Слуцке), где её отец, профессор Николай Николаевич Калитин создал в 1931-м году Институт актинометрии и атмосферной оптики, директором которого он стал.

22 июня 1941 года Нина гуляла по обсерваторской территории со своей подругой Олей Белобровой (впоследствии ведущим научным сотрудником Института русской литературы, лауреатом Государственной премии РФ). Услышав, что началась война, девочки сразу же побежали к Белому дому (так называли дом, где жили обсерваторские сотрудники), Оля поднялась к себе на второй этаж, Нина вбежала через открытую балконную дверь в свою квартиру на первом. В квартире было многолюдно: гостила Нинина уральская бабушка, собрались все родственники, которые в этот день гуляли по Павловскому парку, было воскресенье, и отец Нины был дома. Обед прошел сумбурно, после чего ленинградские родственники уехали. Через некоторое время уехала к себе на родину, в город Воткинск, бабушка Нины, забрав с собой (это было 7 июля) младшую двоюродную сестру Нины Наташу. Все думали, что военные действия скоро закончатся, и Наташа не взяла с собой никаких тёплых вещей, только летние лёгкие платья. Прово-

див бабушку, мама Нины подошла к ней и сказала: «Мы с папой решили с тобой не расставаться». Подруга Нины, Оля Белоброва, та самая, с которой она узнала страшное известие о начале войны, тоже уехала – вместе с эвакуированным Военно-морским училищем имени М.Ф. Фрунзе, где преподавал её отец. Уезжали многие знакомые, но в семье Калитиных жила уверенность, что покидать насиженные места не надо, что отступление нашей армии дело временное, что, может быть, это какой-то маневр, чтобы заманить противника ради последующего контрнаступления. Иллюзия эта держалась даже тогда, когда горизонт за Ижорой стал по ночам окрашиваться в розовый цвет. Надежды рухнули в одночасье, когда по шоссе Революции в Павловске потянулись повозки с ранеными. Женщины стояли вдоль дороги, молча, в горестных позах. Повозки с ранеными везли уставшие лошади. Нина помнит, как одна женщина спросила сидевшего в повозке паренька (видимо, ранение его было менее тяжелым): «Как же так, сынок?» Солдат только махнул рукой и отвернулся.

Глафира Никандровна Калитина в Павловске до войны

Павловск семья Калитиных покидала в спешке. Говорили, что от вокзала отходят последние поезда. Доехали на лошади, в повозке, взяв с собой пару чемоданов. Нина, её отец, мама и няня оказались в квартире на Тверской, которую семья по счастью получила в 1937-м году в доме-кооперативе научных работников. В Павловске Нина и её мама бывали уже только по выходным и на каникулах, в том числе и летних. Жителей пригородов расселяли по общественным зданиям. Так, школа № 24 на Таврической, 21-23, где училась Нина последние четыре довоенные года, была отдана беженцам, и учеников перевели в Училищный Дом на 9-й Советской. Ученики приносили для беженцев посуду, одежду, одеяла.

Несколько дней в сорокаметровой квартире на Тверской вместе с Калитиными находилась семья сотрудников Павловской Обсерватории Быловых (отец, мать и четверо детей). Потом они

24 школа г. Ленинград 1940 г. Нина Калитина 3-я слева в 1 ряду

перебрались в просторную квартиру ещё одного обсерваторского сотрудника на Загородном проспекте. Однако это не спасло семью Быловых. Вот что написала Нине её подруга Саша Былова из Москвы, спустя 60 лет, 13 февраля 2002 года: «Каждый месяц я теряла кого-нибудь из родных: в декабре умер папа, в январе мама, в феврале Маша, в марте Аня, в апреле была моя очередь, но я выжила, в мае Миша». Александра Былова умерла в 2004-м году.

Семье Калитиных повезло, они выдержали самое тяжёлое блокадное время, голодное и холодное – первые полгода, и в марте 1942 были эвакуированы вместе с другими обсерваторцами по льду Ладожского озера, и далее на поезде до Свердловска, недалеко от которого, в поселке Косулино, на станции Высокая Дубрава, возобновила работу Главная Геофизическая обсерватория. Именно посёлок Косулино приютил сотрудников Главной Геофизической Обсерватории, эвакуированных в марте 1942 года из блокадного Ленинграда. В их числе была и семья Калитиных – мои дедушка, Николай Николаевич, бабушка, Глафира Никандровна Калитина и мама, в то время пятнадцатилетняя школьница.

Их вывозили по льду Ладожского озера до станции Жихарево, причём дедушка, к тому времени совершенно ослабленный, потерял документы. Ему, как видному учёному, предлагали улететь

из блокадного Ленинграда на самолёте в Москву, но семью не брали, и он отказался. От голода он совершенно опух, и его поместили в стационар для учёных, находившийся в гостинице «Астория». Бабушка ходила навещать его через весь город пешком, состояние дедушки в стационаре не улучшилось, несмотря на то, что там были, несомненно, более благоприятные условия и усиленное питание, и было решено забрать его домой. Бабушку особенно поразило несоответствие роскошной обстановки отеля облику находившихся там людей-теней. Дедушка был помещён в стационар сразу в начале января 1942-го года, а в феврале появились сведения, что обсерваторцев будут эвакуировать.

Мама не рассказывала мне, что к эвакуации готовились как-то особо. Единственное, о чём она горько сожалела, что не взяли с собой няню. Няня не поехала в эвакуацию, она осталась «охранять хозяйское добро». Когда связь с Ленинградом восстановилась, Нина в Косулино узнала о смерти своей няни, Татьяны Ионовны Обвинцевой. Няня растила маму с полугодовалого возраста, она была фактически членом семьи. Её прислала из Воткинска в Павловск ещё Нинина уральская бабушка. Няня была из коми-пермяков. В память о ней мама назвала меня «Таней».

Каким-то чудом раздобыли живую лошадь, на которой и ехали до Финляндского вокзала, от дома на Тверской, по набережной, через Литейный мост, – вернее, ехал Николай Николаевич на телеге, в которую погрузили кое-какие вещи, бабушка с мамой шли пешком.

Ладогу переезжали по Дороге жизни на машинах. Шедшая впереди машина ушла под ладожский лёд. Обсерваторцы переносили этот тяжелейший путь по-разному, но Калитиным повезло, нашёлся и утерянный портфель, а позже, уже в эвакуации, бабушка смогла восстановить документы. Уже на Ладоге умер сотрудник Обсерватории Богданович. Николай Николаевич в Жихарево в спешке, давясь, поедал одну тарелку супа за другой, и никакие уговоры родных не могли его остановить. Бабушка и мама сдерживались.

В Жихарево эвакуированных блокадников погрузили в вагоны, ехали две недели. В одном вагоне с Калитиными эвакуировалась семья Селезнёвых. Евгения Семеновна везла полугодовалых близнецов Андрея и Алёнку, родившихся во время войны, и ещё двухлетнюю Наташу, дочку её мужа от первого брака. Муж Евгении Семёновны, Борис Викторович Кирюхин, был начальником эшелона. Женщине уступили самое хорошее место, возле те-

Нина Калитина.
Май 1943 г

плушки. Николай же Николаевич, одетый в ватник, каждое утро примерзал к стенке вагона, и его приходилось отдирать с помощью ножа.

Когда приехали в Свердловск, бабушку сразу же поместили в больницу – она потеряла сорок килограммов веса. Мама-девочка осталась с отцом. Николай Николаевич очень изменился. Конечно, он продолжал научную деятельность в меру сил. Но основным стало другое: чинил мебель, подшивал валенки, пилил вместе с дочкой брёвна, притащенные из леса. Как-то, гуляя около местной речушки, Николай Николаевич сказал дочери: «Не прогоняйте меня, я и после войны смогу быть вам полезным, я могу чинить, латать, столярничать ... Ну, а если нет», – и он махнул рукой в сторону речки. Когда в Свердловск к эвакуированным обсерваторцам приехал из Москвы начальник Гидрометеослужбы Е.К. Фёдоров, знавший Н.Н. Калитина ещё по Павловску, он сказал: «Весь ужас ленинградской блокады я до конца понял, увидев Николая Николаевича!» . Однако и в годы эвакуации Н.Н. Калитин оставался учёным. Находившаяся в Свердловске Берта Петровна Кароль, впоследствии ставшая известным метеорологом, автором книг, преподавателем Ленинградского университета, оставила воспоминания о периоде эвакуации, в которых она пишет, что осталась как аспирантка без научного руководства, и Николай Николаевич сделался, в сущности, её научным руководителем в Косулино.

Мама занималась обменом вещей на продукты, и это получалось неплохо. Когда бабушка вышла из больницы, то сразу же засадила маму за учебники, мама закончила в Косулино десятый класс и поступила на первый курс Уральского государственного университета, на историко-филологический факультет. Школьные друзья по эвакуации «проявлялись» в жизни моей мамы и в послевоенные годы: Вера Суховских, Дина Сухова, Валя Слепухина. Кто-то звонил, кто-то списывался. Мама моя стала очень известной – доктор наук, Почётный профессор СПбГУ – сведения о ней появились в Интернете. Лет шесть назад в нашей петербургской квартире раздался звонок ... из Омска: «Нина, я – Лёня, помнишь, я жил за стенкой, я чинил тебе выключатель ... Я прочёл о тебе в Интернете, здоровья тебе, Нина!» Не могу не упомянуть

здесь случай поистине уникальной дружбы времён эвакуации. Михаил Рябов живёт в Елгаве, участвует в патриотических объединениях, пишет стихи, издал книжку воспоминаний. В октябре 2016 года ему исполнилось 90 лет. Он разыскал мою маму, регулярно звонит, пишет, прислал ей и мне свои книги, спрашивает о том, как сложились судьбы бывших с ними в эвакуации подростков, которые тогда были школьниками – мама, к сожалению, связь с ними практически утратила.

В эвакуации семья Калитиных познакомилась с удивительной девушкой – Таня Тарасова была несколькими годами старше Нины. Её забрала к себе из блокадного города сестра. У Тани было только школьное образование, и она стала работать наблюдателем на метеостанции в Косулино. Впоследствии, когда обсерватория вернулась в Ленинград, было решено возродить её загородный филиал, вместо разрушенного фашистами в Павловске, в Сельцах (Воейково). Там, вернувшаяся из эвакуации в августе 1944 года семья Калитиных получила казённую квартиру в доме, построенном ещё до войны. Там же жила и Татьяна Николаевна Тарасова, продолжившая работать в обсерватории.

Татьяна Николаевна так и осталась одинокой, не создала семьи. В последние десятилетия она стала известна как местный поэт, стихи её неоднократно публиковались в газетах. А первое своё стихотворение она написала там, в Косулино, впоследствии оно было изменено и дополнено и посвящено Николаю Николаевичу Калитину. В нём есть такие строки: «Я была такой молодой, а он – всемирно известным!» Заканчивалось стихотворение тем, что его автор хочет принести на могилу Калитина «не городские цветы, а клевер Высокой Дубравы». 29 декабря 2017 года, на 94-ом году жизни, Т.Н. Тарасова скончалась. Дружба Н.Н. Калитиной и Т.Н. Тарасовой длилась 75 лет!

Николай Николаевич Калитин прожил после войны ещё четыре года. Семья вернулась из эвакуации в свою ленинградскую квартиру в августе 1944 года, через полгода после снятия блокады, но он так и не смог приехать в Павловск, к своему разрушенному детищу, которое называли «Дворцом Солнца», – не было душевных сил. Он умер в возрасте 64-х лет. Глядя на редкие дедушкины послевоенные фотографии, я вижу глубокого старика. До войны дедушка играл в теннис на Тярлевских кортах, катался на велосипеде и мотоцикле, ходил на лыжах. Он никогда не был кабинетным учёным – всегда подтянутый, спортивный. Дедушка упокоился в Сельцах (Воейково) возле павильона Актинометрии,

Н.Н. Калитин и Г.Н. Калитина после войны в квартире на Тверской

который тогда, в момент его смерти (21 августа 1949 года) строился по его проекту на высоком воейковском холме. Посёлок Воейково стал городком метеорологов. Павильон начал работу в 1953-м году и действует и поныне.

Можно ещё многое сказать о блокаде, об эвакуации, но в заключение я хочу сказать, что дедушка сумел сохранить себя в эвакуации как учёный, а бабушка сохранила себя *как человек*. Бабушка прожила до января 1969 года, то есть она на двадцать лет пережила дедушку, и я не встретила до сих пор ни одного человека, кто бы отозвался о ней плохо. Можно было ставить под сомнение плодотворность послевоенных научных достижений Николая Николаевича, завидовать триумфальному шествию в науке его дочери, но никто никогда не ставил под сомнение высоких человеческих достоинств Глафиры Никандровны Калитиной. Приютить в блокаду семью обсерваторского сотрудника, организовать в эвакуации детский сад, ещё до войны устроить для павловских детишек самодеятельный театр, заниматься с отстающими ребятами, учившимися вместе со мной, её внучкой, – всё это *могла* моя бабушка, забывшая о том, что в молодости А.А. Фридман предлагал ей адъюнктуру, и что первую свою совместную работу она написала сместно с И.В. Курчатовым. Такой была моя бабушка.

Бабушка вообще, как я считаю, обладала более сильным характером, чем дедушка. Это относилось, в частности, и к оценке его научной деятельности. Дедушка был всемирно известным учёным, профессором, заслуженным деятелем науки РФ, Почётным полярником – достижения его, казалось бы, были бесспорны. Но я помню фразу, сказанную бабушкой уже в 60-ые годы, лет пятнадцать после того, как дедушки не стало: «Хорошо, что он умер. Он исчерпал себя как учёный. Продолжение научного пути было бы для него жестоким разочарованием». Меня удивила беспощадность этой оценки. Как же так, ведь дедушка плодотворно работал ещё в период эвакуации (и именно после этого получил бóльшую часть своих почестей, трудился он и после войны). Война, блокада

были повинны в прекращении его интенсивной научной жизни.Но бабушка *видела дальше* и понимала глубже: никто не знал Николая Николаевича Калитина лучше, чем его жена Глафира Никандровна.

Жизнь моих дедушки и бабушки вместила три революции и две войны. Полгода в блокадном Ленинграде ... Как много они пережили! Пожар Бадаевских складов, пожар эвакогоспиталя на углу Суворовского и улицы Красной Конницы (ныне Кавалергардской), сбитый 5 ноября1941 года немецкий «Хенкель», упавший в Таврический сад, расплёсканные ведра с водой, которую брали из люка на углу Таврической и Суворовского, ложась на живот, потерянные и возвращённые (!) хлебные карточки, прислонённый к входной двери труп, завернутый в простыню, провисевшая у парадной дома на Тверской бомба, разорвавшаяся через 18 суток ...

Они прошли через эти испытания достойно. Дедушку я не застала –родилась почти через год после его смерти, а восемнадцать лет моей жизни прошли рядом с бабушкой. Я счастлива тем, что отдаю дань их памяти по велению сердца.

Санкт-Петербург